

СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ НАЧАЛА ДЕЙСТВИЯ В ЧУКОТСКО-КОРЯКСКИХ ЯЗЫКАХ*

Рассматриваются аналитические конструкции с фазисным глаголом и морфемы с семантикой начала действия, наборы, грамматический статус и степень грамматикализации которых различаются в трех языках чукотско-корякской семьи – чукотском, корякском и алюторском.

Ключевые слова: чукотско-корякские языки, синтаксис, аналитическая конструкция, акциональность, инхотив, инцептив, перегринатив.

Целью данной статьи является сопоставительно-динамическое описание средств выражения начальной фазы действия в чукотско-корякских языках. Материалом исследования послужила сплошная выборка примеров из корпуса оригинальных текстов разных жанров (фольклор, художественная литература и публицистика) на чукотско-корякских языках (чукотском, корякском и алюторском) от начала их фиксации (конец XIX в.) до настоящего времени.

Аналитические средства выражения начала действия

Во всех трех языках аналитическим средством выражения начала действия является конструкция сказуемого, состоящая из финитной формы фазисного глагола *m(ə)yo-* / *moo-* (чук.) / *η(ə)vi-* / *η(ə)vo-* (кор.) / *η(ə)vi-* (ал.) ‘начать(ся)’ и конверба лексического глагола, восходящего к падежной форме локатива. Данный фазисный глагол в чукотско-корякских языках является лабильным: в комбинации с непереходным лексическим глаголом в его лично-числовых показателях передаются характеристики одного актанта (субъекта действия, выраженного лексическим глаголом), с переходным глаголом – лично-числовые характеристики двух актантов (агенса и пациенса действия, выраженного лексическим глаголом).

(1) ал., с.-в., кич. (совр. фольк.)

Гауволинат ойик. [Жукова 1988: текст 51, предл. 227]

ya=ηvo=lina=t

oji=k

PP=начать(ся)=3nsgS=DU

есть=CV.loc

‘Начали (они двое) есть.’ (непереходный лексический глагол)

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 11-04-00348а «Динамика соотношения частотности функционально сходных морфологических показателей и синтаксических конструкций в чукотско-корякских языках»).

(2) кор., чавч., соб. (совр. фольк.)

Тыянуоунав'в'э ынну калик.

tə=ja=ŋvo=ŋ=na=wwe ənn=u kali=k
1sgA=POГ=начать(ся)=PFV=3nsgP=PL рыба=ABS.pl красить=CV.loc

‘Я буду рыбу красить.’ (переходный лексический глагол)

В корякском и аллюторском языках аналитические конструкции с фазисным глаголом очень частотны, а в чукотском языке редки. Глагол *məyo-* ‘начать(ся)’ в оригинальных чукотских текстах чаще встречается в качестве самостоятельного предиката при субъектах, выраженных пропозитивными именами: *начался урок, день; началось собрание*. Возможно, такое употребление является калькой соответствующих русских конструкций.

(3) чук. (середина XX в., худож. лит.)

К'олы'лэн торымгогэ тэн'эвытрыкэ. [Рытхэу, 1964. С. 65]

qole=?əlo=n **torə=myo=yʔe**
 другой=день=ABS.sg **новый=начать(ся)=3sgS+PFV**
 teŋ=e=vətrə=ke
 красивый=NEG=видимый=NEG

‘Следующий день только что начался незаметно.’

Синтетические средства выражения начала действия

Синтетические средства выражения начальной фазы действия в чукотско-корякских языках многочисленны: это несколько морфем с инхоативной, инцептивной и перегринативной семантикой, часто имеющие одинаковую форму во всех трех языках, но различающиеся по грамматическому статусу, степени грамматикализации и употреблению.

Инхоатив. Форма нейтрального инхоатива, обозначающего собственно начальную фазу действия, без дополнительной акциональной семантики, имеется в чукотском и корякском языках.

В чукотском языке в этом качестве используются два алломорфа одной морфемы *=ŋŋo / =mjo*. Второй из них полностью идентичен основе фазисного глагола *m(ə)yo-* ‘начать(ся)’. Видимо, по этой причине, а также из-за гораздо более редкого употребления второго алломорфа исследователи чукотского языка выделяли как грамматический показатель инхоатива только аффикс *=ŋŋo* [Скорик, 1977. С. 193; Недялков и др., 1983. С. 227]. М. Данн впервые показал, что алломорф *=mjo* при присоединении к глагольным основам не может рассматриваться как основа фазисного глагола, так как располагается последним в ряду других акциональных морфем, как и алломорф *=ŋŋo*, что доказывает одинаковую степень их грамматикализации. Поскольку никакого особого фонетического или морфологического контекста ни один из алломорфов не требует, то они могут расцениваться как свободные варианты морфемы инхоатива [Dunn, 1999. P. 254–255, 257].

Аффикс *=ŋŋo / =mjo* в чукотском языке более частотен в функции показателя необязательного формообразования, причем встречается как в финитных, так и в инфинитных формах, но может также выступать в качестве транспозиционно-характеризующего, образуя глагольные основы от основ других частей речи и придавая им одновременно инхоативное значение.

(4) чук. (начало XX в., фольк.)

Ынко-м равэтгавн'ын'оэ... [Тынэтэгын, 1940. С. 24]

ən=ko-əm ra=vetɣaw=ŋə=ŋo=ʔe
он=LOC-part DES=говорить=DES=INCH=3sgS+PFV

‘Затем попытался заговорить...’ (функция необязательного формообразования)

(5) чук. (совр. публиц.)

Мэгчерымгогъэ педучилищак... [Мургин нутэнут. 11.01.1997. С. 4]

meŋceŋə=mɣo=ɣʔe pedučiliša=k
работа=VBLZ.inch=3sgS+PFV педучилище=LOC

‘Начала работать в педучилище...’ (транспозиционно-характеризирующая функция)

Аффикс инхоатива в чукотском языке не является полным семантическим аналогом конструкции с фазисным глаголом, именно поэтому инхоативный показатель может включаться в словоформу фазисного глагола, как это отмечалось в работе [Недялков и др., 1983. С. 227].

(6) чук. (совр. публиц.)

Моомгок 90-џавкэн гивиткут у'рэтылыит округык тьарыу ньэлгьэт... [Мургин нутэнут. 29.05.1997. С. 4]

moo=mɣo=k 90=qaw=ken ɣivi=tku=t
начать(ся)=INCH=CV.loc 90=NUM.ord=REL.sg прожить год=ITER=ABS.pl
ʔuretə=ʔə=t okruɣə=k tʔarə=ŋ nʔel=ɣʔət
родиться=ATR=ABS.pl округ=LOC недостаточно=ADV стать=3plS+PFV

‘С начала 1990-х годов в округе уменьшилась рождаемость.’

В корякском языке инхоативный показатель =ŋəvo используется менее активно, чем в чукотском языке. Он встречается во всех модально-временных финитных и инфинитных формах в качестве средства необязательного формообразования, однако не может употребляться как транспонирующий. Преимущественно аффикс =ŋəvo функционирует в словоформах настоящего времени.

(7) кор., чавч., соб. (совр. фольк.)

Кончаёŋəвоунэн ятан мимлэ.

ko=n=čaj=o=ŋəvo=ŋ=nen jatan mimpl=e
PRES=CAUS=чай=VBLZ.потребить=INCH=PFV=3sgS+3P даже вода=INSTR
‘Поит его чаем из одной воды.’

Данный суффикс сочетается с транспонирующими инцептивными показателями и может включаться в словоформу фазисного глагола ŋəvo- ‘начать(ся)’.

(8) кор., чавч., тиг. (начало XX в., худож. лит.)

Jeqqe gьtgajo 'aŋvok тьссетеjкьŋnew velьtkojaŋ lььw, ic'aw, pylaku. [Кеккетын, 1936. С. 77–78]

jeqqe ɣətɣa=johə=ŋvo=k мэщ=ще=tejkə=ŋ=ne=w
еще осень=VBLZ.inc=INCH=CV.loc 1nsgA=POT=делать=PFV=3nsgP=PL
velə=tko=ja=ŋ lili=w iča=w
плата=VBLZ.iter=дом=DAT рукавица=ABS.pl кухлянка=ABS.pl

pəlak=u
торбаз=ABS.pl

‘Еще до наступления осени мы сделаем для магазина рукавицы, кухлянки, торбаза.’

(9) кор., чавч. (совр. публиц.)

Мэн, ив' кымин, у тойын, вон, волай ейгучев'н, ык округын, к, о нэвинненэв' пылв'ынта ак, авынвын,. [Народовластие. 31.08.1996. С. 1]

meŋi=w	kəmiŋ=u	tojə=ŋvo=ŋvo=la=j
который=ABS.pl	ребенок=ABS.pl	новый=начать(ся)=INCH=PL=3sgS+PFV
jejuŋcəwŋə=k	okruŋə=ŋqo	ne=winnen=ne=w
учиться=CV.loc	округ=ABL	LowA=помогать=3nsgP=PL
pəlwənt=a	haqavə=nvə=ŋ	
железо=INSTR	отправиться=NMLZ.loc=DAT	

‘Тем детям, которые только начали учиться, от округа помогают деньгами на проезд.’

Инцептив обозначает начало неконтролируемого действия или состояния. Морфема инцептива совпадает во всех трех языках: =rʔu (чук.) / =ruʔ (ал.) / =juh (кор.), но ее функциональный статус различается. В корякском и алюторском языках она может быть только транспонирующей и образует преимущественно от именных, редко от качественных или адвербиальных, основ замкнутый класс метеорологических глаголов с семантикой начала природного феномена.

(10) ал., с.-в., кич. (совр. фольк.)

Кэтэвэл нууаларуʔа этэкэ нитэн.

kətəvəl	nuŋ=ala=rʔuʔ=a	ə=təkə	n=itə=n
не надо	CV.neg=лето=VBLZ.inc=CV.neg	они=DAT.pl	3.OPT=быть=3sgS

‘Пусть лето не наступит для них.’

В чукотском языке аналогичная транспонирующая функция у данного аффикса также имеется, иллюстрацией может послужить его первое употребление в следующем примере.

(11) чук. (совр. публиц.)

҂аргынэн омрʔоуногъэ, ымыльо тылгырьуркын ы'льыл, тинтин. [Мургин нутэнут. 25.05.1996. С. 5]

ŋaŋəp=en	om=rʔo=ŋŋo=ŋʔe	əməʔ=o	təʔə=rʔu=ŋkən
вне=NMLZ	теплый=VBLZ.inc=INCH=3sgS+PFV	весь=ABS.pl	таять=INC=IPFV
ʔəʔ=ʔəʔ	tin=tin		
снег=RED	лед=RED		

‘На улице стало теплеть, всё начало таять, снег, лед.’

Однако в чукотском языке аффикс =rʔu может также выполнять функцию необязательно формообразовательного показателя, присоединяясь к глагольным основам. В этом случае ограничение на семантику глагольных основ не накладывается: они могут обозначать как состояние природы или человека, как во втором употреблении данного аффикса в приведенном выше примере, так и действия.

(12) чук. (середина XX в., худож. лит.)

...*Бэргынкаавына валёмнэн ынпыцэвээй ынванэурьольын.* [Ятгыргын, 1987. С. 35]

qerɣənkawə=na wəlom=nən ənrə=ɲew=qej
 pers=LOC слушать=3sgA+3sgP старый=женщина=DIM
 ɲənwəɲe=rʔo=ɪʔə=n
 ворчать=INC=ATR=3sgS

‘Кэргынкаав услышал, как старушка заворчала.’

М. Данн рассматривает употребление данного показателя в безличных глаголах и в личных формах как два омонимичных аффикса: метеорологический инхоатив и показатель коллективного субъекта из группы глагольных квантификаторов [Dunn, 1999. P. 259, 264]. Действительно, личные формы с аффиксом =rʔu часто употребляются во множественном числе и связаны с множеством субъектов.

(13) чук. (середина XX в., худож. лит.)

Ынык яачы тыллырагты рэск 'иврѳугъэт ы 'ттъыт... [Рытхэу, 1964. С. 69]

ən=ək jaəɕə təllə=ra=ɣtə re=sqiw=rʔu=ɣʔet
 он=LOC сзади дверь=дом=LAT дом=VBLZ.per=INC=3plS+PFV
 ʔəttʔə=t
 собака=ABS.pl

‘За ним в дверь позаходили собаки.’

Не случайно П. Я. Скорик называл эти формы «видом массовости действия». П. Я. Скорик, как и М. Данн, говорил об омонимии видового суффикса и суффикса отыменного образования глаголов, но, в отличие от М. Данна, считал, что показатель =rʔu как видовой присоединяется не только к непереходным, но и к переходным глаголам, причем при непереходных глаголах характеризуется массовой характер действия в отношении субъекта, а при переходных – в отношении объекта [Скорик, 1977. С. 186–187].

Сплошная выборка из оригинальных текстов на чукотском языке показывает, что множественное число субъектов не является обязательным условием для употребления данного показателя. Имеются примеры личных форм с единственным числом субъекта.

(14) чук. (середина XX в., фольк.)

К'ьочаткойн 'ын камаграрьогъэ ынкъам вьигъи. [Беликов, 1979. С. 23]

qʔoɕatko=jɲə=n kamaɣra=rʔo=ɣʔe ənkʔam vʔi=ɣʔi
 pers=AUG=ABS.sg шевелиться=INC=3sgS+PFV и умереть=3sgS+PFV

‘Сильнейший Кочатко (раненый богатырь) задрожал и умер.’

Приведенные примеры позволяют выделить у показателя =rʔu инвариантную семантику *неконтролируемости* начала действия или состояния, которая по-разному проявляется в различных употреблениях данного аффикса: начало определенного природного явления, появление, как правило, внезапное, состояния человека, обусловленное внешним воздействием или его внутренними качествами, начало массового действия, контролировать которое, действительно, невозможно.

Показатель инцептива в разных функциях может комбинироваться с аффиксом инхоатива.

(15) чук. (середина XX в., фолькл., пер.)

Ныкэрон 'н'ок камэтворон 'н'оат. [Меновщиков, 1948. С. 110]

nəke=rʔo=ηηo=k kametwa=rʔo=ηηo=ʔat
 ночь=VBLZ.inc=INCH=CV.loc есть=INC=INCH=3plS+PFV

‘Когда наступила ночь, стали есть.’

Инхоатив начала длительного действия. Самостоятельный показатель, маркирующий начало длительного действия, отмечен в корякском и алюторском языках. В «Грамматике корякского языка» зафиксирован суффикс =*lqiv* / =*lqev* со значением однократности действия. Однако в приведенных примерах, иллюстрирующих употребление данной морфемы [Жукова, 1972. С. 211], присутствует, скорее, фазовая семантика начинательности.

В описаниях алюторского языка отмечается, что суффикс =*lqiv* имеет значения начинательности, длительности или однократности действия [Нагаяма, 2003. С. 26; Кибрик и др., 2000. С. 439]. Из-за внутренней сложности семантики данного показателя при глоссировании текстов в работе [Кибрик и др., 2000] авторы предпочли не присваивать ему ни одного из выявленных значений и оставили без содержательной глоссы.

В значении аффикса =*lqiv* важен момент начала длительного процесса или регулярного действия, именно поэтому он присоединяется к основам глаголов с такой семантикой и не используется в словоформах глаголов, обозначающих точечные действия, например *arat* ‘упасть’. В следующем примере появление аффикса =*lqiv* в словоформе глагола *təm* ‘убить’ (медиальная основа *-nəm-*) обусловлено наличием предшествующего итеративного показателя и последующего показателя имперфективного вида, с помощью которых точечное действие преобразовано в регулярное.

(16) ал., с.-в., култ. (1950-е гг., фольк.)

Науэуткынав’ калилгу тэмэжук то икав’ тыткав’в’и ... нанмыткулжывиткынав’. [Вдовин, 1955. Тетрадь 10, с. 218]

na=ηvu=tkə=na=w kali=lʔ=u təmə=tku=k to
 LowA=начать(ся)=IPFV=3nsgP=PL узор=ATR=ABS.pl убить=ITER=CV.loc и
 ikaw tətka=wwi na=nmə=tku=lqivə=tkə=na
 еще морж=ABS.pl LowA=убить=ITER=INCH-DUR=IPFV=3nsgP

‘Начинают нерп убивать, и еще моржей убивают.’

В перфективных формах индикатива актуализируется сема начинательности, в имперфективных формах, гораздо более частотных, – сема длительности, и показатель приобретает дуративное или абитуальное значение.

Перегринатив. Морфема перегринатива с семантикой ‘идти [куда-либо] с целью совершения действия, указанного в основе’, рассматриваемой как дериватема, на территории Сибири засвидетельствована в тунгусо-маньчжурских, эскимосско-алеутских и чукотско-камчатских языках [Мельчук, 1998. С. 414].

В описаниях чукотско-камчатских языков данная морфема выделена для ительменского языка [Володин, 1976. С. 207–208], а также для чукотского и алюторского языков, в которых перегринатив грамматикализован полностью. Материального сходства между морфемами перегринатива в ительменском и чукотско-корякских языках нет.

В описании чукотского языка П. Я. Скорик в ряду других способов внутрикатегориального словообразования глаголов рассматривает продуктивный суффикс =*sqiw* / =*sqew*, который от переходных и непереходных глагольных основ образует глаголы со значением «направляются для совершения действия, обозначенного производящим глаголом» [Скорик, 1977. С. 216]. М. Данн называет такие формы целевыми (purposive), рассматривает их как результат модальной деривации, несущей дополнительное значение ‘идти с целью выполнить действие, обозначенное в основе глагола’ (‘going in order to X’) [Dunn, 1999. P. 267–268].

В описаниях алюторского языка постфикс =*s(ə)qiv* включен в словарь морфем с семантикой ‘глагольный суффикс со значением ‘пойти сделать что-либо’ [Кибрик и др., 2000. С. 442].

В чукотско-корякских языках морфема перегринатива по происхождению связана с инхоативным постфиксом $=lqiv / =lqev$. Появление перегринативной семантики и грамматикализация в новом значении сопровождаются изменением фонетического облика данного аффикса в связи с характерным для этих языков чередованием l / s (ал.), $l / č$ (чук.), которое в чукотско-корякских языках обычно свидетельствует либо о переносе семантики морфемы (как корневой, так и аффиксальной) в другую понятийную сферу, либо о ее грамматикализации.

(17) ал., с.-в., кич. (совр. фольк.)

Ратомга зонпәү надагусџивәткән. [Жукова, 1988. Текст 51, предл. 133]

ra=tomy=a qonpәә na=|aʔu=**sqivə**=tkə=n
дом=друг=INSTR всегда LowA=видеть=**PER**=IPFV=3sgP

‘Соседи постоянно приходили навещать его.’

Присоединение перегринативного показателя добавляет необязательную валентность директива-финиша.

(18) чук. (совр. фольк.)

...мыныткивыск’ивмык омъянвэты... [Чукотские сказки, 1975. С. 50]

mənə=tkivə=**sqiw**=mæk om=janw=**etə**
1nsgS.OPT=ночевать=**PER**=1nsgS+PFV теплый=NMLZ.loc=**DAT**

‘Пойдем ночевать в теплое место.’

В корякском языке, в отличие от чукотского и алюторского, процесс грамматикализации перегринатива протекает неравномерно.

В южных говорах этот процесс завершился аналогично ситуации в чукотском и алюторском языках, и морфема с перегринативной семантикой ($=tqiv / =tqev$) полностью отделилась и по форме, и по значению от инхоативной.

(19) кор., чавч., соб. (совр. фольк.)

То уанџо ... яёл гэлэлин эв’ыйитџивылъын.

to ʧanqo jajol ʧe=le=lin ewəji=**tqivə**=lhə=n
и потом лиса PP=идти=3sgS есть=**PER**=ATR=3sgS

‘Потом лиса пришла, чтобы поесть.’

(20) кор., чавч., пал. (совр. фольк.)

Йаво, малэг’утџив’нэв’. [Жукова, 1988. Текст 5, предл. 23]

javo mə=lehu=**tqiw**=ne=w
погоди! 1sgA.OPT=увидеть=**PER**=3nsgP=PL

‘Подожди-ка, схожу навестить их.’

После грамматикализации перегринатива в разных южных говорах корякского языка инхоативное значение может выражаться по-разному. В говоре с. Соболево любое инхоативное значение передается только морфемой $=η(ə)vo$, а в паланском говоре, при наличии грамматикализованной перегринативной морфемы $=tqiv$, сохраняется исходная форма $=lqiv / =lqev$ с семантикой начала длительного действия.

(21) кор., чавч., пал. (совр. фольк.)

Гаутолэн Ыуткэнебу найһэнойтэу то йэжэ-жа йитукаткинууваткэлэжэвэ. [Жукова, 1988. Текст 11, предл. 13]

ya=ηto=len	qutkə=ηeβu	ηajηəno=jtəη	to	jeq=e-qa
PP=выйти=3sgS	pers=AUG	вне дома=LAT	и	что=INSTR-part
jitukat=kinuηva=tke= lqev =e				
жарить=мясо=пахнуть= INCH =3sgS				

‘Вышел Куткынеку из дома, и чем же... жареным мясом запахло.’

В данном примере семантика показателя =*lqev* однозначно прочитывается как инхоативная, поскольку предикат безличный.

В северных говорах корякского языка грамматикализация перегринатива не произошла, поэтому перегринативное значение наряду с инхоативным передается аффиксом =*lqiv* / =*lqev*.

(22) кор., чавч., ветв. (совр. фольк.)

Эмэт г'ачаллэ актыка мытг'ылџивын, мывев' унмо-о-ок-џок, тыкутг'ылыг.

emet	hača=lljo	aktəka	mə=thə= lqivə =n
даже	моча=положить внутрь	невозможно	1sgA.OPT=лить= PER =3sgP
məjew	unmək	qok	tə=ku=thələ=η
потому что	много	ох	1sgS=PRES=болеть=PFV

‘Даже горшок с мочой не могу сходить вылить, потому что очень, ох, болею.’

Приведенный пример не вызывает затруднений в трактовке семантики показателя =*lqiv* как перегринативной, так как выливать мочу у кочевых коряков предписывается только в определенном месте за пределами дома, куда нужно идти. Обычно это место находится недалеко от дома, но в цитируемой сказке оно намеренно выбрано на вершине высокой горы, куда лиса, сказавшись больной, отправляет женщину-кэле (вредоносное существо), чтобы избавиться от нее.

Соотношение аналитического и синтетического способов выражения начальной фазы действия

Статистический анализ примеров употребления форм и конструкций со значением начинательности в текстах разных жанров показал их различную востребованность в разных языках (см. таблицу, рисунок).

Чукотский язык, наиболее сильный язык чукотско-корякской семьи, сохраняющий письменную традицию, кардинально отличается от алюторского и корякского существенным преобладанием синтетических форм над аналитическими фазисными конструкциями. Грамматикализация инхоативного показателя в чукотском языке привела к смещению аналитических конструкций с фазисным глаголом на периферию системы. Влияние русского языка в новых жанрах (художественной литературе и публицистике), вероятно, проявилось лишь в незначительном увеличении доли аналитических конструкций.

В корякском языке доля аналитических фазисных конструкций велика, однако развитие художественной литературы и особенно публицистики привело к результату, обратному зафиксированной в чукотском языке ситуации: доля синтетических конструкций в новых жанрах по сравнению с фольклором возрастает и составляет существенно более половины всех употреблений фазисных конструкций с семантикой начала действия.

Количественная характеристика конструкций и форм
с семантикой начала действия в чукотско-корякских языках *

Конструкции и формы		Начало XX в.		Середина XX в.			Совр.		
		фольк.	худож.	фольк.	худож.	публ.	фольк.	худож.	публ.
Конструкция сказуемого [тyо= / тоо= (чук.) / ηəvo= (кор.) / ηəvi (ал.) 'начать(ся)' + CV.loc]	чук.	15		31	32	32	42	25	58
	кор.		420			145	429	276	318
	ал.	297		811			882		
Аффикс инхоатива =ηηо / =ηо (чук.) / =ηvo (кор.)	чук.	286/4		299/10	618/14	135/5	235/4	138/6	287/18
	кор.		222/0			92/0	203/1	309/0	496/0
	ал.								
Аффикс инцептива =rʔu (чук.) / =ruʔ (ал.) / =juh (кор.)	чук.	21/43		117/144	28/81	2/7	32/50	25/45	22/57
	кор.		0/20			0/1	0/5	0/6	0/13
	ал.	0/5		0/74			0/56		
Аффикс инхоатива-дуратива =lqiv	чук.	0/4							
	кор.		27/77			0/9	16/34	5/11	0/8
	ал.	18		693/96			151/0		
Аффикс перегринатива =sqiv (чук., ал.) / =ĉqiv (чук., кор.) / =tqiv (кор.)	чук.	59/79		95/17	90/1	2/	88/1	27/0	58/0
	кор.		7/6			–	15/0	7/0	–
	ал.	58		23/1			188		

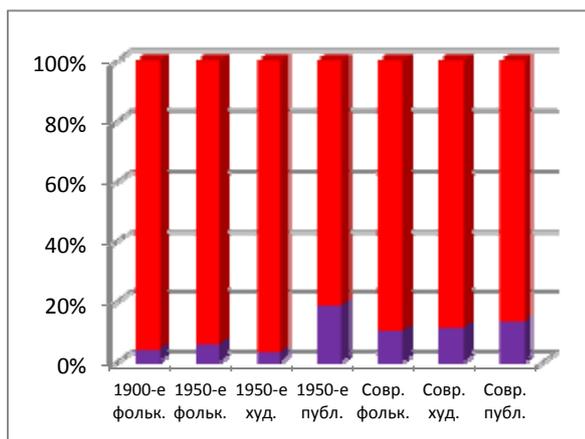
* Для аффиксов в клетках таблицы первым указано количество употреблений в функции формообразовательного (нетранспонирующего) показателя, вторым – количество употреблений в функции вербализатора (транспонирующего показателя).

Сходная ситуация имеет место и в алюторском языке. Наибольший всплеск синтетизации в сфере фазисных конструкций отмечается в середине века в текстах, собранных И. С. Вдовиным, которые по стилю приближены к художественным.

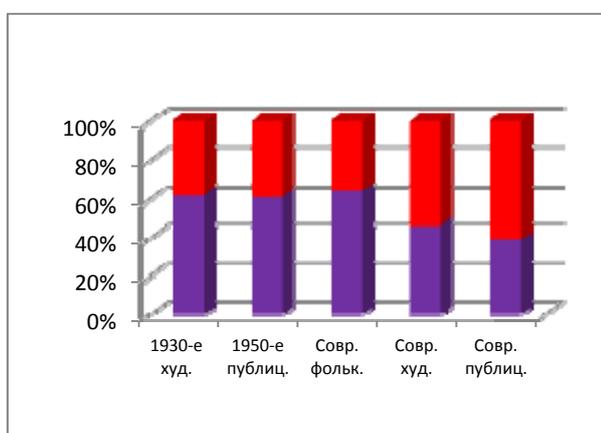
Объяснением разнонаправленных тенденций в контактно обусловленных изменениях систем фазисных конструкций могут послужить следующие гипотезы. В наиболее многочисленных и сильных в социолингвистическом отношении языках процессы грамматикализации протекают более интенсивно, поэтому в чукотском языке грамматикализация инхоатива прошла раньше, чем в корякском и алюторском языках. Влияние русского языка проявилось в том, что низкая частотность уже выходящих из употребления, но структурно конгруэнтных русским аналитических конструкций с фазисным глаголом, несколько возросла. Появление стилистической дифференциации – каталлизатор заложенных в системе путей грамматикализации, даже если явление, подвергающееся грамматикализации, структурно неконгруэнтно языку-донору. В корякском и алюторском языках грамматикализация инхоативных показателей в период начала интенсивного влияния русского языка как раз только началась, поэтому развитие художественного и особенно публицистического стилей повлияло на интенсификацию этого процесса.

Соотношение частотности аналитических конструкций и синтетических форм с семантикой начала действия в чукотском (а), корякском (б) и алюторском (в) языках

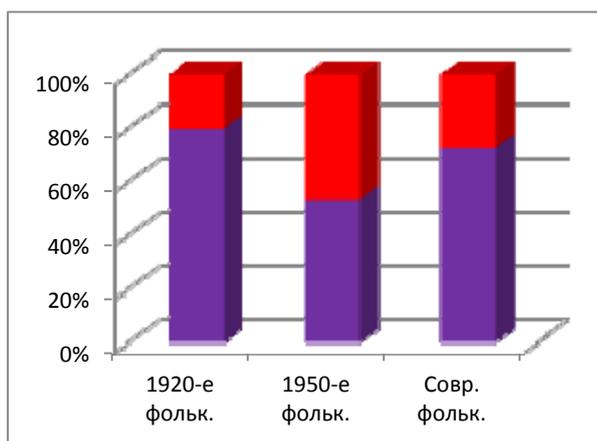
- Аналитические
- Синтетические

а

б

в

Выводы

В чукотско-корякских языках имеется значительное количество средств выражения семантики начинательности: аналитические конструкции с фазисным глаголом и несколько морфем с разным грамматическим статусом. При материальном сходстве этого типа морфем в отдельных чукотско-корякских языках имеются разные их наборы, различна и степень их грамматикализации.

Морфема инхоатива связана с основой глагола 'начать(ся)', формирующего аналитические фазисные конструкции. В качестве грамматической морфемы она используется только в чукотском и корякском языках, причем в чукотском является гораздо более грамматикализованной и вытесняет аналитические конструкции с фазисным глаголом, в то время как в корякском языке аналитические конструкции и формы с инхоативом имеют сходную частотность и распределены в большей степени по сочетаемости с разными модально-временными формами.

Фазовая морфема с семантикой начала длительного действия явилась источником, из которого развился показатель перегринатива, грамматикализированный в корякском языке в гораздо меньшей степени, чем в чукотском и алюторском, в разных говорах корякского языка наблюдаются проявления его большей или меньшей выделенности из фазисного показателя инхоатива.

Фазисная морфема инцептива, зафиксированная во всех трех языках, имеет существенную разницу в функционировании. В чукотском языке данная морфема используется как во внутриклассной, так и в межклассной деривации, а в корякском и алюторском языках она ограничена транспонирующей функцией и связана с образованием только метеорологических глаголов.

Список литературы

- Володин А. П.* Ительменский язык: Моногр. Л.: Наука, 1976.
- Жукова А. Н.* Грамматика корякского языка: Моногр. Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1972.
- Кибрик А. Е., Кодзасов С. В., Муравьева И. А.* Язык и фольклор алюторцев: Коллект. моногр. М.: Наследие, 2000.
- Мельчук И. А.* Курс общей морфологии: Моногр. М.; Вена: Языки русской культуры, 1998. Т. 2, ч. 2: Морфологические значения.
- Нагаяма Ю.* Очерк грамматики алюторского языка: Моногр. Kyoto, 2003.
- Недялков В. П., Инэнликэй П. И., Рахтилин В. Г.* Чукотские конструкции с субъектным инфинитивом // Категории глагола и структура предложения. Конструкции с предикатными актантами: Коллект. моногр. Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1983. С. 221–234.
- Скорик П. Я.* Грамматика чукотского языка: В 2 ч. Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1977. Ч. 2: Глагол, наречие, служебные слова.
- Dunn M. J.* A Grammar of Chukchi: A Thesis Submitted for the Degree of Doctor of Philosophy of Australian National Univ. 1999.

Условные обозначения

Языки: ал. – алюторский; кор. – корякский; чук. – чукотский.

Диалекты: с.-в. – северо-восточный; чавч. – чавчувенский.

Говоры: ветв. – ветвейский; кич. – кичигинский; култ. – култушинский; пал. – паланский; соб. – соболевский.

Грамматические значения в глоссах: 1, 2, 3 – лицо; А – агенс; ABS – абсолютив; ADV – наречие; ATR – атрибутив; AUG – аугментатив; CAUS – каузатив; CV.loc, neg – конвербы; DAT – датив; DES – дезидератив; DIM – диминутив; DU – двойственное число; INC, inc – инцептив; INCH, inch – инхоатив; INCH-DUR – инхоатив-дуратив; INSTR – инструменталис; IPFV – имперфектив; ITER, iter – итератив; LAT – латив; LOC, loc – локатив; LowA – агенс, стоящий на низшей ступени иерархии активности; NEG – отрицание; NMLZ – номинализатор; NUM.ord – порядковое числительное; nsg – неединственное число; OPT – опатив; P – пациенс; part – частица; PER, per – перегринатив; pers – имя собственное; PFV – перфектив; PL, pl – множественное число; POT – потенциалис; PP – предикатив прошедшего времени; PRES – настоящее время; RED – редупликация; REL – относительное прилагательное; S – субъект; SG, sg – единственное число; VBLZ – вербализатор.

Текстовые источники

Беликов, 1979 – Беликов Л. В. Лымн'ылтэ: Чукотские народные сказки и предания. Магадан, 1979; **Вдовин, 1955** – Архивные материалы И. С. Вдовина. Хранятся в научном архиве Института антропологии и этнографии РАН (Кунсткамера), фонд 36, опись 1; **Жукова, 1988** – Жукова А. Н. Материалы и исследования по корякскому языку. Л., 1988; **Кеккетын, 1936** – Кецай Кеккетын. Эвныто батрак. Л., 1936; **Меновщиков, 1948** – Лымн'ылтэ. Составил и перевел с эскимосского на русский язык Г. А. Меновщиков. С русского языка на чукотский перевел Уваува. Л., 1948; **Мургин нутэнут ('Наша земля')** – приложение к газете «Крайний Север», издающейся в Чукотском автономном округе; **Народовластие** – газета, издающаяся в Корякском автономном округе; **Рытхэу, 1964** – Рытгэв. Рилти эрмэвыркыт рэн'амъанма (Крылья крепнут в полете). Магадан, 1964; **Тынэтэгын, 1940** – Тынэтэгын Ф. (Тинетев). Чавчывалымн'ылтэ (Сказки чаучу). Под ред. Г. Мельникова. Л., 1940; **Чукотские сказки, 1975** – Кто самый сильный на земле. Чукотские сказки. Магадан, 1975; **Ятгыргын, 1987** – Ятгыргын. А'ачек гавантолен а'жавагыргэпы. (Судьба мужчину не балует). Магадан, 1987.

Примеры без помет взяты из собственных экспедиционных материалов автора.

Материал поступил в редколлегию 20.11.2012

A. A. Maltseva

WAYS OF EXPRESSION OF THE BEGINNING OF ACTION IN CHUKCHI-KORYAK LANGUAGES

The paper examines the analytical constructions with the verb 'begin' and the verbal forms with the morphemes of inchoative, inceptive and peregrinative. The grammatical status and the level of grammaticalization of each of these morphemes are different in three Chukchi-Koryak languages – Chukchi, Koryak and Alutor.

Keywords: Chukchi-Koryak languages, syntax, analytic construction, Actionsart, inchoative, inceptive, peregrinative.